

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

Л.А. Асланов

Естественно-научные знания в цивилизационных исследованиях

Leonid A. Aslanov

Natural science knowledge in civilizational studies

Современные воззрения этологии рассмотрены в их применении к проблемам локальных цивилизаций. Поведение людей определяется врожденными и приобретенными паттернами поведения. Им соответствуют две взаимосвязанные части каждой цивилизации: культура, которая соотносится с приобретенным поведением, и менталитет, отсылающий к наследуемому поведению и обеспечивающий постоянство поведения народа из поколения в поколение. Взаимосвязь культуры и менталитета и отрицательные последствия навязывания чуждой культуры народу с укоренившимся менталитетом показаны на примере организации труда в русской артели. Рассмотрены психологические типы личности, стабильно передающиеся по наследству, и с их учетом рассмотрена роль Московского княжества в становлении Российской державы.

Ключевые слова: этология, инстинкт самосохранения, менталитет, культура, цивилизация, организация труда, русская артель.

Modern knowledge of ethology are considered in their application to the problems of local civilizations. Human behavior is determined by innate and acquired patterns of behavior. They correspond to two interconnected parts of each civilization: a culture that correlates to the acquired behavior, and a mentality (self-preservation instinct), referring to the inherited behavior and ensuring the constancy of the behavior of the people from generation to generation. The relationship between culture and mentality and the negative consequences of imposing an alien culture on people with an ingrained mentality are shown on the example of the organization of labor in the Russian artel. Psychological personality types that are stably inherited are examined, and taking into account them, the role of the Moscow principality in the formation of the Russian state is considered.

Keywords: ethology, self-preservation instinct, culture, mentality, civilization, labor organization, Russian artel.

Социально-политические и гуманитарные науки на сегодняшний день общепринято считать дисциплинарным полем, в рамках которого исследуется цивилизационная проблематика, но совершенно очевидно, что нецелесообразно ограничивать цивилизационные исследования только гуманитарными знаниями. «...Для того, чтобы говорить о цивилизациях, вступать в “океан” этой проблематики, нужно обладать целым спектром специальностей, специализаций: нужно быть и историком, и социологом, и этнографом, и культурологом, наконец, нужно быть и техническим специалистом...» [16]. Естественные науки накопили много информации, часть которой может быть полезной для развития исследований столь сложной темы, как локальные цивилизации. В предлагаемой читателям статье делается попытка показать применение естественно-научных знаний в цивилизационных исследованиях и проиллюстрировать на примере русской цивилизации полезность естественно-научного аспекта исследований локальных цивилизаций. При этом автор, будучи естественником, отдает себе отчет в том, что отдельные изложенные положения окажутся дискуссионными, потому что «...ограниченность взгляда – это необходимая, просто неизбежная черта или свойство разговора о цивилизации» [Там же].

В настоящей статье внимание сосредоточено на современных воззрениях этологии и их применении к проблемам локальных цивилизаций. Ранее проблема локальных цивилизаций была рассмотрена с позиций психофизиологии посредством анализа поведенческих реакций людей [5]. Инстинкт самосохранения, равно как и безусловные рефлексы были упомянуты, но не обсуждены из-за вовлеченности эндокринной системы в процессы формирования и действия инстинктов человека.

Локальные цивилизации отличаются друг от друга рядом характерных признаков, в том числе поведением людей. С позиций биологической науки, поведение – сложный комплекс физиологических и психических процессов, направленных на удовлетворение имеющихся у организма потребностей и проявляющихся в целенаправленной деятельности, обращенной на приспособление к изменениям в окружающей среде. Этология – раздел биологии, изучающий поведение человека и животных, сложившееся у животных в результате естественного отбора, а у людей под воздействием культуры и сохранившего лишь те аналитические, физиологические и поведенческие особенности, которые приспособляли людей к условиям окружающей среды [6, с. 60].

Изначально этологи утверждали, что есть врожденные (генетически наследуемые) и приобретенные научением паттерны поведения, но сейчас принято считать, что врожденная информация, приобретенная видом в процессе филогенеза, лежит в основе не только таких мало изменчивых компонентов поведения, как фиксированные комплексы действий (ФКД), но и в основе всякого обучения, определяя его базовые механизмы [7, с. 171].

Культура оказывает на поведение человека модулирующее действие, результаты которого фиксируются мозгом в виде условных рефлексов - [14, с. 27]. Каждое поколение людей приспосабливается к изменениям в окружающей среде с помощью условных рефлексов, корректируя свое поведение, полученное по наследству, причем культура оказывает влияние на наследуемое поведение. Условные рефлексы не наследуются живыми организмами. Наследуются только безусловные рефлексы и инстинкты.

Инстинкт – это совокупность двигательных актов и сложных форм поведения, возникающих в ответ на раздражения, поступающие из внешней и внутренней среды. Инстинктивное поведение организма опосредовано возбуждением нервной и эндокринной систем, поэтому большое внимание в изучении инстинктов уделяется исследованиям продуктов жизнедеятельности желез внутренней секреции. Одним из врожденных свойств человека и животных является инстинкт самосохранения, который служит сохранению организма в условиях, характерных для жизни каждого конкретного вида [15, с. 7].

На сегодня связь между геномом и поведением живых организмов не вызывает никаких сомнений. Генетика поведения изучает соотношение генетического материала с непосредственным строением и особенностями нервных клеток, путей и активности нейромедиаторов, рецепторов и т.п., которые в свою очередь оказывают влияние на физиологию и поведение организма. Особый интерес для исследования генетики поведения представляют гены, управляющие формированием нейронов, их сетей, а также химическими особенностями синаптической проводимости, а именно: гены, ответственные за количество и строение рецепторов, их функционирование, а также нейромедиаторные и гормональные особенности. Генотип определяет не только морфологические, физиологические и биохимические особенности организма, но и поведенческие [14, с. 23–26].

Итак, поведение людей определяется врожденными и приобретенными в результате воспитания и социализации ФКД. Их существование приводит к двум взаимосвязанным частям каждой цивилизации: культуре, которая соответствует приобретенному поведению, и менталитету, соответствующему наследуемому поведению и обеспечивающему постоянство поведения народа из поколения в поколение.

Строгого определения менталитета нет. Портрет менталитета, заменяющий дефиницию и составленный разными авторами, оставившими на холсте по штриху, выглядит следующим образом. Менталитет – это неосознанно (инстинктивно) воспринятые установки, коллективные представления, имплицитно содержащиеся в сознании ценности, мотивы, модели поведения и стереотипы реакций, лежащие в основе рационально построенных и отрефлексированных форм общественного сознания. Менталитет характеризуется отсутствием систематизации и невосприимчивостью к деятельности ин-

дивидуального сознания, т.е. менталитет действует как инстинкт. Менталитет является совокупностью неосознанных представлений, имеющей социальный характер, т.е. присущ всем членам социума и направлен на самосохранение социума. В силу таких объективных особенностей менталитет выступает базовой характеристикой разных социокультурных общностей вплоть до цивилизационных. Менталитет не меняется на протяжении поколений, будучи очень устойчивой характеристикой социума, т.е. менталитет наследуется. Менталитет – это копилка опыта выживания социума в веках [13, с. 81–83].

Менталитет формируется как комплексное целостное образование, включающее совокупность генетических, физиологических, культурных особенностей и ценностных ориентаций, но именно формируется, а передается по наследству как инстинкт. Другого механизма наследования поведения у людей нет.

По определению локальные цивилизации есть результат приспособления (самосохранения) социума к окружающей среде, поэтому цивилизацию надо считать совокупностью культуры и менталитета социума. Если поведение наследуется посредством инстинктов, то из всех инстинктов инстинкт самосохранения в наибольшей мере обладает свойствами менталитета, что следует из рассмотрения генезиса цивилизаций [1–4].

Врожденные ФКД изменить нельзя, а культурные практики менять можно в результате переобучения, но это приводит в общенародном масштабе к тяжелым последствиям. Например, вестернизация африканских народов в 1960–1980 гг. обернулась бедой и была отвергнута из-за ее полной неприемлемости. В российской истории тоже есть примеры заимствования культурных традиций североморской цивилизации, приводивших к негативным результатам. И это не только реформы 90-х гг. XX в., но и более ранние события, которые можно рассмотреть в качестве примера.

Традиционной формой организации труда на Руси была артель. Артельная организация труда на Руси зародилась очень давно и охватывала все профессии: плотников, каменщиков, гончаров, ткачей, рыбаков, бурлаков, ямщиков, старателей, лесозаготовителей и т.д. Каждая артель самоорганизовывалась и вступала как целое в договорные отношения с работодателем или организовывала свою деятельность на принципах самонайма. Артель четко определяла цель своей деятельности, условия приема членов, их права и обязанности, порядок оплаты труда, накопление и страхование, характер внутреннего управления, порядок наложения взысканий, ответственность за убытки, условия выхода из артели и т.п. Артельная организация труда наряду с крестьянскими общинами отражала коллективистский характер русского общества: в отличие от индивидуалистического общества североморской цивилизации на Руси конкурировали артели, общины и прочие коллективы, построенные на основе самоорганизации, и их конкуренция была

более непримиримой, чем конкуренция индивидов. Талант и творческая активность русского человека раскрывались в артели, а будучи одиноким, русский человек обычно замыкался в себе, не веря в силы одиночки. Артельная организация труда стала цивилизационной традицией русского народа.

Русская артель обладала рядом особенностей. Так как оплата труда каждого члена артели зависела от результата работы коллектива (из-за коллективно-подряда), то каждый член артели не только старался сам, но и ежеминутно требовал этого от других. Лишних ртов в артели не было, и наивысшая производительность труда достигалась без надсмотрщиков. Оплата труда каждого артельщика зависела от качества выполненной артелью работы, поэтому качество работы каждого работника подвергалось контролю остальными членами артели в процессе работы, а посему брак нельзя было утаить. Артель защищала интересы каждого артельщика и в совокупности создавала высокую нравственную атмосферу в коллективе [3; 2, с. 460–463]. П.А. Кропоткин настойчиво напоминал [10, с. 35–36; 11, с. 230] о том, что артельный труд обеспечивал равноправие членов артели, равноправие создавало обстановку справедливости, а справедливость утверждала нравственность.

В русской цивилизации начиная с петровских времен прочно поселилась традиция европоцентризма: все в России хуже европейского. И эта традиция приводит к многим потерям ценного опыта самосохранения русского народа, что можно показать на примере артельной организации труда.

В начале декабря 2017 г. Президент РФ В.В. Путин в одном из своих публичных выступлений вновь напомнил о том, что производительность труда в РФ отстает от производительности труда в развитых странах в 2–3 раза. В Советской России отставание производительности труда было столь же большим. Г.Р. Наумова в книге «Русская фабрика» высказала мысль о том, что грубое игнорирование цивилизационных традиций народа влечет падение духовной культуры, влекущее регресс, падение качества производства, сокращение ассортимента продукции и, добавим, производительности труда [12, с. 258]. Почему так происходит? Почему качество продукции в Советской России вызывало насмешки? Г.Р. Наумова абсолютно права: причина в игнорировании советской властью цивилизационных традиций русского народа.

В Советской России артельная организация труда на больших предприятиях была отвергнута (в сталинский период существовали мелкие артели, производившие суммарно 8% ВВП страны, но Н.С. Хрущев ликвидировал и их). Контролировать производство должны были партийные организации, и все помехи этому контролю упразднились. В научной литературе артельная организация труда была объявлена архаичной. Коллективный труд поощрялся, но только тех коллективов, которые создавались под государственным и партийным контролем. Например, низовым звеном любого завода или совхоза была бригада, но она не имела договорных отношений с произ-

водством, полностью была подчинена государственной организации. В такой бригаде оплата труда члена бригады не зависела от количества и качества работы, выполняемой другими членами бригады, а потому взаимный контроль над количеством и качеством труда исчез, и возникло новое явление, получившее название «групповщина». Дело в том, что запретить артель можно, но изгнать традицию коллективной защиты своих интересов нельзя, она остается жить в измененном виде, и работники ищут защиты своих интересов в коллективе, как это было в артели. Поэтому после запрета артелей на производстве стихийно стали возникать неформальные группы, которые создавали поблажки рабочим: закрывали глаза на простои и даже отсутствие на работе, скрывали нарушение технологии ради формального, но быстройшего выполнения задания, использовали приписки, шли на мелкие хищения государственной собственности и т.п. Запрет такой цивилизационной традиции, как артельная организация труда, привела к падению производительности труда, качества продукции, но главное, к падению нравственности. Запрет традиции артельного труда привел к тому, что традиция вернулась в измененном до неузнаваемости виде и стала мстить за пренебрежение цивилизационной традицией.

И все же артельная организация труда, будучи цивилизационной традицией, в советский период пробила себе дорогу. На строительстве Алареченского рудника на Кольском полуострове родился бригадный подряд, который во всем воспроизводил традиционную для Руси артельную организацию труда. Руководитель бригады строителей Алареческого рудника Владислав Пахомович Сериков был награжден Государственной премией и ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Бригадный подряд успешно распространился по четверти производственных коллективов СССР. Например, «Калужский турбинный завод» внедрил бригадный подряд в начале 1970-х гг. и за три пятилетки увеличил производительность труда в 3,4 раза [3, с. 355–359]. Артельная организация труда закреплена в русской цивилизации. В российском обществе она является традиционной и максимально эффективной. Тот факт, что только четверть производственных коллективов сумели восстановить навыки артельной работы за полтора десятилетия, прошедшие со дня одобрения властью бригадного подряда до перестройки, порушившей все производство, свидетельствует о том, насколько труженики были развращены существовавшей тогда государственной системой организации труда.

Важно знать, почему возник бригадный подряд при строительстве Алареченского рудника. Не потому, что там собрались борцы за высокую производительность труда или высокое качество продукции. Люди коллективно защищали свои материальные интересы. В то время в Госстрое сложилась практика корректировки зарплат, вытекавшей из нормативов самого Гос-

стройка, с целью их выравнивания до средних по стране. Против этой корректировки, приводившей к снижению зарплат, и выступила бригада строителей Алареченского рудника.

С начала 90-х гг. прошлого века в стране возобладал менеджмент – либеральный рецепт организации труда и повышения его производительности. Прошло треть века такого руководства, а производительность труда в России не приблизилась к показателям наиболее экономически эффективных стран. Надо иметь в виду, что менеджмент пришел из обществ с индивидуалистической цивилизацией [1], он там зародился и в них традиционен, а потому эффективен. Национальной традицией в России извечно была артельная организация труда. Эти различия носят цивилизационный характер.

Возникает вопрос: артельная организация труда на самом деле архаичная? В Японии и ряде стран получил распространение реинжиниринг. Изучив этот метод организации труда, можно убедиться, что реинжиниринг в своих принципах ничем не отличается от артельной организации производства, а именно: бригады организуются сами и вступают в договорные отношения с работодателем. Они достаточно свободны в выборе поставщиков материалов и комплектующих изделий, в заключении контрактов с заказчиками, наиболее успешные бригады хранят средства на собственных банковских счетах и т.п. Реинжиниринг наиболее успешно применялся и применяется там, где предприятие становилось банкротом или терпело убытки, ведущие к неизбежному банкротству. Многократно доказана высокая эффективность реинжиниринга в этих условиях. Бригады работают в условиях банкротства предприятия на принципах, очень близких к самонайму и образуются в результате самоорганизации.

Важно знать, что реинжиниринг зародился в Японии на рубеже 1950–1960 гг., когда конкурентная борьба на мировом рынке потребовала от японских предприятий резкого улучшения качества продукции. Тогда термин «реинжиниринг» не существовало, а создававшиеся бригады назывались «бригадами качества». Японские специалисты того времени изучили опыт бригадной организации труда в СССР, их делегации принимал ВЦСПС. О реинжиниринге много написано в отечественной экономической литературе, но с его сутью лучше всего ознакомиться по книге американских психологов Джиффорда и Элизабет Пинчот «Конец бюрократии и восход интеллектуальных организаций» [19].

Реинжиниринг нужен современной России в моногородах. Градообразующие предприятия многих моногородов давно обанкротились. В большинство из них инвесторы никогда не придут из-за расположения этих моногородов в глухомани. По данным Института региональной политики, в РФ насчитывается 460 городов и 330 поселков городского типа с узкой экономической специализацией (моногородов). В них живет 25 млн человек.

Стабильное социально-экономическое положение имеют 28% всех моногородов. Распоряжением правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р утвержден перечень моногородов. К числу монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации с наиболее сложным социально-экономическим положением (в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций) отнесено 75 моногородов. Монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения, насчитывается 149. Население этих моногородов борется за свое выживание.

Поднять моногорода силами администрации (и местной, и региональной, и федеральной) на принципах менеджмента нереально. Необходимо поощрять реинжиниринговую форму организации производства. Являясь по сути традиционной для русского общества артельной формой, она сможет опереться на местную инициативу и национальную традицию в условиях банкротства градообразующих предприятий.

На сегодня сложилось парадоксальное положение: русская артель спасает банкротов по всему миру, но она изгнана из родного дома. Русская артель сохранилась только в студенческих строительных отрядах.

Спрашивается, почему формы организации труда, традиционные для индивидуалистического общества и сейчас, и в советский период настойчиво внедряются в производственную практику, а традиционное артельное производство не признается даже после его успешной проверки на Западе в виде реинжиниринга? Ответ: в правящей элите существовало и существует убеждение о том, что у России нет особого пути развития, и все надо делать как на Западе. Если речь идет о технологических укладах и техническом прогрессе, то, действительно, все страны и народы идут одним путем. Но при выборе пути реализации технического прогресса необходимо учитывать цивилизационные традиции народа, которые во всех странах свои, особые.

Казалось бы, надо использовать для организации производства бригадный подряд, столь успешно проявивший себя в советский период и являющийся традиционной формой труда в России, но этому мешает традиция считать западное лучше российского. К сожалению, и в советский период, и сейчас в России господствует концепция всемирно-исторического процесса, а не локально-историческая, цивилизационная концепция. Считается, что все страны развиваются по одному сценарию, но находятся на разных этапах своего развития, а потому у России нет своего особого пути развития. На самом деле все страны развиваются своеобразно, и те из них, которые умеют навязать другим свои традиционные представления о жизни в качестве универсальных, получают в геополитической борьбе мощное преимущество. Заблуждения в теории оборачиваются потерями времени и ресурсов для всех поверивших во всемирно-исторический мираж.

Наблюдая за тем, как бездумно рушат национальные традиции в России на протяжении ста лет, невольно возникает потребность в сравнении наших реалий с другими странами. Самыми твердыми ревнителями своих традиций являются народы североморской цивилизации, и, прежде всего, англосаксы, которые настойчиво распространяют свои традиции по миру. Слепо следуя примеру застлавшего глаза американского образа жизни, реформаторы с начала 1990-х гг. выдвинули лозунг «Обогащайтесь!», что имело катастрофические последствия. Обогащаться стали любыми способами, например, преступными методами, забыв о труде. В результате в России возник дефицит квалифицированных рабочих, инженеров, но расцвели охранные организации, стерегущие несправедливо нажитые богатства. И до сих пор труд не пропагандируют как главную ценность. В результате в России множатся только миллиардеры, а уровень жизни народа остается убогим вопреки богатству страны.

Всегда оберегал свои цивилизационные традиции китайский народ. Не только в КНР, но и по всему миру китайские общины жили и живут в согласии с китайскими национальными традициями. После обретения независимости Индия долго старалась следовать советам коллективного Запада о необходимости борьбы с кастовой системой организации труда ради экономического роста, и долго результатов не было. Теперь же с кастовой системой перестали рьяно бороться, и после ряда реформ Индия сделала рывок в своем развитии. Япония никогда не отказывалась от своих традиций, в том числе традиционной системы организации труда. Таким образом, процветают или быстро идут к процветанию народы, свято оберегающие свои национальные традиции, а народы, пренебрегающие своими цивилизационными традициями, впадают в упадок. Общим выводом, носящим характер закона, является необходимость гармоничного согласования первого и второго уровней коллективного когнитивного бессознательного (культуры и менталитета, соответственно, в терминах настоящей статьи) для успешного развития данной цивилизации [17, с. 208].

Все излагаемое в статье может показаться тоской по старине или даже проявлением национализма. На самом деле автор утверждает: увлечение североморским экономизмом без учета цивилизационной идентичности народа – дело бесперспективное и даже вредное. Экономизм марксистского толка сменился неолиберализмом, а страна топчется на месте. Только учет всего комплекса знаний о человеческом обществе может обеспечить выбор правильных решений, приемлемых для каждого из народов земного шара. Советской власти понадобилось полвека для понимания полезности артельной формы организации труда. Нельзя допустить продолжения игнорирования русской цивилизации, чреватого катастрофическими последствиями.

Дальнейшее изложение поведенческих реакций основано на сведениях, изложенных в книге [8], написанной для гуманитариев с обсуждением поведения персонажей литературных произведений и художественных полотен.

Инстинкт самосохранения является ответом на стресс. Стресс возникает под воздействием гормона стресса – адреналина. У человека есть единая нейрогуморальная (гумор – жидкость, *лат.*) система регуляции. Органов, не подверженных гуморальным влияниям, не существует. Эндокринная система – абсолютно необходимая составная часть процессов поведения.

Поведение человека – это двигательная активность, цель которой – удовлетворение потребности, возникающей в результате изменения окружающей среды (физической или социальной) и направленной на приспособление к новому состоянию среды или возвращению среды к прежнему состоянию. В памяти человека хранится много ФКД, но каждая из этих программ наиболее эффективна для строго определенного изменения окружающей среды. Поэтому после изменения окружающей среды начинается интенсивный сбор информации, причем той, которая новые условия существования сводит к знакомым случаям. Найденный знакомый случай запускает программу поведения (ФКД), хранящуюся в памяти. ФКД могут быть врожденными и приобретенными в процессе индивидуального развития. Если ФКД найти не удастся, то у организма развивается стресс. Существуют генетически детерминированные формы стрессорного поведения: либо реакция затаивания, либо реакция борьбы или бегства.

Важным понятием для понимания поведения человека является понятие неконтролируемого стресса. Любой фактор, вызывающий неудобства для человека и действующий долгое время, и избавиться от действия которого или приспособиться к нему не удастся, становится неконтролируемым. Самый драматичный эффект неконтролируемого стресса – утрата воли к жизни. Это состояние получило название «выученная беспомощность». Неконтролируемый стресс вызывается изменением как физической, так и социальной окружающей среды. Состояние выученной беспомощности очень устойчиво и долго сохраняется после исчезновения стрессора. В состоянии неконтролируемого стресса человек становится управляемым. В результате длительного неконтролируемого стресса возникает депрессия – психическое расстройство, вызванное гипертрофированно развитой адаптивной реакцией затаивания.

Психологический тип личности, определяемый врожденными свойствами организма (генотипом), проявляется только в стрессорной ситуации, поэтому можно считать, что психологический тип – это тип стрессорной реакции. При стрессе все системы организма согласованно изменяют свою активность. И поведение, и эндокринные реакции организма определяются единым фактором – новизной окружающей среды. Эндокринные реакции организма соответствуют типу поведения человека при стрессе.

Обычно рассматривают два типа поведения при стрессе – поведение типа А (с преобладанием борьбы или бегства, т.е. с попытками изменить окружающую среду или скрыться от измененной среды) и поведение типа В (с преобладанием реакции затаивания, т.е. приспособлением к окружающей среде), но под людьми типа В не имеются ввиду люди с выученной беспомощностью. Оба психологических типа стабильно передаются по наследству.

Люди типов А и В отличаются не только поведением в стрессорной ситуации, но и эндокринными реакциями. У людей типа А стрессорным гормоном является в первую очередь адреналин, а у людей типа В – кортизол. Все люди распределяются между типами А и В в спектр, подобно тому, как между черным и белым есть бесконечное множество оттенков серого.

В зависимости от конкретных условий, вызвавших стресс, в предпочтительном положении оказываются либо организмы типа А, либо организмы типа В, поэтому в эволюционном плане оптимальны те общности, в которых существуют представители обоих типов. Часто поведение типа В считают пороком, что совершенно ошибочно. Поведение типа В является оптимальным в условиях неконтролируемой стрессорной ситуации, потому что у людей типа В не возникает выученная беспомощность; организм охватывает лишь тревога, но не более. Социальный неконтролируемый стресс вызывает депрессивное состояние только у людей типа А. Более того, помимо поведенческих изменений у людей типа А с длительным опытом социальных поражений выявляются физиологические и биохимические изменения, характерные для выученной беспомощности. Поведение людей типа В в тех же ситуациях практически не меняется.

У некоторых организмов типа А есть исключительная способность: в условиях неконтролируемого стресса организм типа А, невзирая на объективную негативную ситуацию и не считаясь с рисками, может действовать, как люди действуют в условиях контролируемого стресса, преодолевая неблагоприятные условия окружающей среды. Такие люди часто гибнут в борьбе, но не отступают, потому что у них состояние выученной беспомощности не наступает даже в условиях неконтролируемого стресса. У организмов типа В такой способности нет. Для них активное сопротивление, как правило, пагубно из-за отсутствия врожденных физиологических механизмов.

Люди типа В количественно преобладают, и этим объясняется существование в обществе «молчаливого большинства», о котором часто упоминают политики. Если у родителей разные психологические типы, то их дети преимущественно относятся к типу В, т.к. затаивание увеличивает адаптивные возможности организма. Еще одна особенность организмов типа В – это высокая склонность обращать внимание на поведение других членов сообщества. У них возникает тревога, если они видят или слышат, что член сообщества оказался в новых условиях существования, а представители поведенче-

ского типа А безразличны к изменениям внешней среды у соседей. Благодаря склонности воспроизводить поведение других представителей своего общества организмы типа Б постоянно совершенствуют свой ФКД, чего не могут делать организмы А-типа, поведение которых стереотипно. Однажды сформировав свой ФКД, они его используют даже неадекватно к изменившимся условиям. Степень приспособленности организма А-типа прямо пропорциональна количеству ФКД в его поведении. Если внешняя среда меняется на совершенно новую, то представители типа А адаптируются значительно хуже, чем представители типа Б, которые переучиваются. Количество ФКД у типа Б не больше, чем у типа А, но их ФКД способны меняться.

Поучительно распределение типов А и Б в социальной иерархии. Верхний слой общества (α -слой) состоит из представителей типа А, но и самый низший слой того же общества состоит из них. Представители типа Б занимают слой, следующий сразу за высшим (β -слой), потому что они обладают самым пластичным, адаптивным поведением.

Этология помогает объяснить многие общественные явления, что можно показать на примере объединения удельных княжеств на Русской земле в единое государство московскими князьями нескольких поколений. Почему не Новгород Великий, не Владимир, не Тверь и т.д., а Москва – город новый, затерянный в лесах, доставшийся сыну Александра Невского Даниилу? Московский князь не мог надеяться дожить до старшинства и по очереди лестничной системы занять старший великокняжеский престол. Вот почему московские князья, начиная с Даниила, активно хозяйствовали: заселяли свои владения промышленными и рабочими людьми, которых привлекали к себе из других княжеств, толпами покупали в Орде русских пленников и помещали всех на московских пустошах, строя деревни, села, слободы [1; 9; 14].

Последнее обстоятельство имело важные последствия: московский князь становился благодетелем, избавителем от вражеской неволи; выкупленные пленные пополняли когорту холопов московского князя, причем холопов, готовых за своего благодетеля постоять насмерть.

Тяжелые условия ордынского нашествия заставляли землевладельцев продавать свои вотчины. Московские князья, имея свободные деньги, стали скупать земли, деревни, города. Прежде всего, московские князья старались овладеть главными речными путями междуречья Ока – Верхняя Волга как внутри, так и по окраинам. Реки в ту пору были дорогами для купеческих караванов – летом по воде, зимой по льду, – а купеческие караваны платили налоги в казну князя. Многие удельные князья Северо-Восточной Руси уже опустились до уровня частных и даже мелких землевладельцев, обладая совместно (вчетвером – впятером) простой сельской волостью. Они отдавали свои вотчины московскому князю в его собственность и тут же получали их от нового государя обратно, но в виде жалованья за службу Москве.

Власть московского государя не смещала удельных князей, а становилась над ними, поэтому старый порядок в уделах не разрушался. Высшие местные управления в Твери, Ростове, Нижнем Новгороде и др. не упразднились, а только переносились в Москву вслед за удельным князем и здесь продолжали действовать обособленно, не сливаясь с центральными московскими учреждениями. Для бояр традиция правления не прервалась, а безболезненно преобразилась, и суть этой традиции была в *коллективном* правлении Русью Рюриковичами [9; 2, с. 134].

Московские князья не ставили своей целью создание крупного централизованного государства, им была нужна «тишина» для их хозяйственной деятельности, но их практика присоединять земли преобразилась в Московском царстве и Российской империи в важнейший инструмент государственной политики. Башкирам, казахам, калмыкам, бурятам, алтайцам понадобилась защита от набегов кочевых племен, украинцам – защита от Польши, шести грузинским княжествам – защита от Османской империи и т.д., и в результате присоединения к России элиты присоединенных народов сохраняли свои положения, народы не меняли своего культурного и экономического уклада. Были и силовые присоединения к Москве, например, Казани ради пресечения массового захвата пленных на русских территориях и продажи их на невольничьих рынках Османской империи. Но привилегии казанской элиты не были ущемлены. Для умиротворения Казанского ханства (после его завоевания) служилых татар приглашали служить на русских территориях, и в результате в конце XVI в. и далее в XVII в. среди татар Казани служилых было не более 7%, а в Касимовском царстве – 40%. Население Казанского ханства долгое время после завоевания не облагалось налогами, а татарским князьям постоянно направлялись подарки. Присоединяя земли и народы, Московское царство и Российская империя увеличивали оборонный потенциал.

Московское царство, а за ним Российская империя с легкой руки московских князей выросли в могучий союз народов для совместной защиты от общих врагов, и эта традиция не прервалась в СССР и РФ. Московская Русь никогда не захватывала земли ради их экономической эксплуатации с одновременным подавлением местных элит и уничтожением местных народов, как было в колониях Северной Америки или Австралии. Совместная защита от врагов объединенными усилиями народов-соседей – это цивилизационная традиция Московской Руси.

Российская держава не уничтожала элиты всех входивших в состав государства народов, а традиционно опиралась на элиты, т.е. на β-слой, состоявший из людей с самым пластичным, адаптивным поведением. Это было найдено эмпирически, и находка была очень успешной.

Подводя итог, можно утверждать, что основой наследуемых поведенческих реакций, единых для каждой цивилизационной общности, является на-

следуемый инстинкт самосохранения (менталитет). Культура усваивается каждым человеком научением в течение жизни, причем врожденная информация лежит в основе всякого обучения, определяя его базовые механизмы, т.е. процесс усвоения культуры обучением тоже зависит от инстинкта самосохранения, что приводит к выводу о приоритете инстинкта самосохранения (менталитета) в сравнении с культурой.

Выбор инстинкта самосохранения в качестве основы наследуемых поведенческих реакций, одинаковых для каждой цивилизационной общности приводит к выделению отдельных типов цивилизаций, хранящих способ приспособления к (самосохранения в) окружающей среде, например, русской [3], североморской, португальской [1], китайской [2], бразильской цивилизаций, а также цивилизационных процессов в США [4]. Такой подход позволил выявить важные особенности каждой цивилизации. В частности, было показано, что русская цивилизация сформировалась, как справедливо указывал А. Тойнби [18], в условиях бесконечных войн, а североморская цивилизация возникла под влиянием «компенсирующего действия окружающей среды» на маршах Североморья. Но эти результаты не имеют прямого отношения к естественно-научным знаниям, являясь лишь их следствиями.

Асланов Леонид Александрович – доктор химических наук, профессор, заведующий лабораторией структурной химии, кафедра общей химии, химический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, ул. Колмогорова, д. 1, стр. 3.

Leonid A. Aslanov – Sc.D. in Chemistry, Professor, Head of the Structural Chemistry Laboratory, Department of General Chemistry, Faculty of Chemistry, Lomonosov Moscow State University.

119991, 1/3 Kolmogorova str., Moscow, Russia.

aslanov@struct.chem.msu.ru

Список литературы

1. Асланов Л.А. Культура и власть. М.: ТЕИС, 2001. 493 с.
2. Асланов Л.А. Менталитет и власть. М.: ТЕИС, 2013. 359 с.
3. Асланов Л.А. Менталитет и власть. Русская цивилизация. В 3 т. М.: ТЕИС, 2009.
4. Асланов Л.А. Менталитет и власть. США, Бразилия. М.: ТЕИС, 2012. 567 с.
5. Асланов Л.А. Рост знаний о цивилизациях на стыках наук // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2022. № 2. С. 82–94.
6. Вилкок Д. Психогенетика и эволюция поведения // Актуальные проблемы генетики поведения. Л.: Наука, 1975. 224 с.
7. Гороховская Е.А. Этология: рождение научной дисциплины. СПб.: Алетея, 2001. 224 с.
8. Жуков А.Д. Биологические основы поведения. Гуморальные механизмы. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 456 с.
9. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. М.: Мысль, 1987.

10. Кропоткин П.А. Справедливость и нравственность. Петроград; М.: Голос труда, 1921. 55 с.
11. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. Харьков: Вольное братство, 1919. 232 с.
12. Наумова Г.Р. Русская фабрика (проблемы источниковедения). М.: ЭКРН, 1998. 178 с.
13. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект-Пресс, 1999. 429 с.
14. Ростовцева В.В. История изучения социального поведения животных и человека // Человек и социум: от конкуренции к толерантности (проблемы социальной интеграции) / Под ред. М.Л. Бутовской, Ю.Н. Феденюк. М.: ИЭА РАН, 2017. 258 с.
15. Слоним А.Д. Инстинкт. Загадки врожденного поведения организмов. Л.: Наука, 1967. 160 с.
16. Смирнов А.В. Вступительное слово // Проблемы цивилизационного развития 2022. Т. 4. № 1. С. 6–8.
17. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
18. Тойнби А.Дж. Постыжение истории. М.: Прогресс, 1991. 730 с.
19. Pinchot G., Pinchot E. The end of bureaucracy and the rise of the intelligent organization. San-Francisco: Berrett – Kochler Publishers, Inc. 1994. 402 p.

References

1. Aslanov L.A. Kul'tura i vlast' M.: TEIS, 2001. 493 s.
2. Aslanov L.A. Mentalitet i vlast'. M.: TEIS, 2013. 359 s.
3. Aslanov L.A. Mentalitet i vlast'. Russkaya civilizaciya. V 3 t. M.: TEIS, 2009.
4. Aslanov L.A. Mentalitet i vlast'. SShA, Braziliya. M.: TEIS, 2012. 567 s.
5. Aslanov L.A. Rost znaniy o civilizacijah na stykah nauk // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 27. Globalistika i geopolitika. 2022. № 2. S. 82–94.
6. Vilkok D. Psihogenetika i evolyuciya povedeniya // Aktual'nye problemy genetiki povedeniya. L.: Nauka, 1975. 224 s.
7. Gorohovskaya E.A. Etologiya: rozhdenie nauchnoj discipliny. SPb.: Aletejya, 2001. 224 s.
8. Zhukov A.D. Biologicheskie osnovy povedeniya. Gumoral'nye mekhanizmy. Yurid. centr Press, 2004. 456 s.
9. Klyuchevskij V.O. Sochineniya. V 9 t. M.: Mysl', 1987.
10. Kropotkin P.A. Spravedlivost' i npravstvennost'. Petrograd; M.: Golos truda, 1921. 55 s.
11. Kropotkin P.A. Vzaimnaya pomoshch' kak faktor evolyucii. Har'kov: Vol'noe bratstvo, 1919. 232 s.
12. Naumova G.R. Russkaya fabrika (problemy istochnikovedeniya). M.: EKSН, 1998. 178 s.
13. Ross L., Nisbett R. Chelovek i situaciya. Perspektivy social'noj psihologii. M.: Aspekt-Press, 1999. 429 s.
14. Rostovceva V.V. Istoriya izucheniya social'nogo povedeniya zhivotnyh i cheloveka // Chelovek i socium: ot konkurencii k tolerantnosti (problemy social'noj integracii) / Pod red. M.L. Butovskoj, Yu.N. Fedenok. M.: IEA RAN, 2017. 258 s.
15. Slonim A.D. Instinkt. Zagadki vrozhdenogo povedeniya organizmov. L.: Nauka, 1967. 160 s.
16. Smirnov A.V. Vstupitel'noe slovo // Problemy civilizacionnogo razvitiya. 2022. T. 4. № 1. S. 6–8.
17. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoe vs. obshchechelovecheskoe. M.: ООО «Sadra»: Izdatel'skij Dom YaSK, 2019. 216 s.
18. Tojnbi A.Dzh. Postizhenie istorii. M.: Progress, 1991. 730 s.
19. Pinchot G., Pinchot E. The end of bureaucracy and the rise of the intelligent organization. San-Francisco: Berrett – Kochler Publishers, Inc. 1994. 402 p.